Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 23–29. ISSN 2618-8236 (print).
Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2026;11(2):23-29. ISSN 2618-8236 (print).

Научная статья

УДК 347.121.2 DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-2-23-29

Гражданско-правовые способы защиты от навязчивого преследования (сталкинга): от дефиниции к эффективным механизмам защиты

Борис Сергеевич Болохонов

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Республика Беларусь
boloxonov_bs@grsu.by, ORCID: 0009-0007-1297-766X

Аннотация. Анализируется понятие, содержание и признаки навязчивого преследования (сталкинга), а также существующие гражданско-правовые механизмы противодействия ему в России и Беларуси. Отмечается актуальность проблемы в условиях цифровизации и ограниченность действующего законодательства в предоставлении своевременной защиты жертвам. Особое внимание уделяется отсутствию дефиниции «нежелательного преследования» в законодательстве и аргументации дальнейшего развития гражданско-правовых способов противодействия навязчивого преследования.

Ключевые слова: сталкинг, навязчивое преследование, защитное предписание, охранный ордер

Для цитирования: Болохонов Б. С. Гражданско-правовые способы защиты от навязчивого преследования (сталкинга): от дефиниции к эффективным механизмам защиты // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 11, вып. 2. С. 23–29. DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-2-23-29.

Original article

Civil law methods of protection from obsessive harassment (stalking): from definition to effective protection mechanisms

Boris S. Bolokhonov

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus
boloxonov_bs@grsu.by, ORCID: 0009-0007-1297-766X

Abstract. The article analyzes the concept, content and signs of obsessive harassment (stalking), as well as the existing civil law mechanisms to counter it in Russia and Belarus. The urgency of the problem in the context of digitalization and the limitations of current legislation in providing timely protection to victims are noted. Particular attention is paid to the lack of a definition of “unwanted harassment” in the legislation and the arguments for further development of civil law methods to counteract intrusive harassment.

Keywords: stalking, obsessive harassment, protective order, protective order

For citation: Bolokhonov B. Civil law methods of protection from obsessive harassment (stalking): from the definition of the concept to effective protection mechanisms. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2026;11(2):23-29. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-2-23-29

Введение. Навязчивое преследование, или сталкинг, представляет собой серьёзную проблему, ежегодно демонстрирующую свою разрушительную силу и оказывающую глубокое негативное воздействие на жизнь и благополучие людей. В условиях стремительного развития информационного общества и цифровизации социальных отношений растущая распространённость этого явления, включая его проявления в интернете, социальных сетях и мессенджерах (киберпреследование, кибersталкинг), делает вопросы правового регулирования особенно актуальными.

© Болохонов Б. С., 2026

Несмотря на повышение осведомлённости общества о данной проблеме и увеличение числа публикаций в СМИ, направленных на информирование общественности, анализ правовых норм выявляет недостаточность существующих инструментов для эффективного противодействия сталкингу. Как уголовное, так и административное законодательство зачастую ограничено в возможностях предоставления своевременной и полной защиты жертвам домашнего насилия, включая случаи сталкинга. Анализ действующих норм права позволяет ряду авторов констатировать, что «реальная помощь правоохранительных органов зачастую оказывается лишь в случаях, когда в отношении потерпевшего уже совершено конкретное противоправное действие» [1, с. 280]. Все это обосновывает необходимость разработки новых, более совершенных механизмов защиты прав и свобод граждан от навязчивых преследований.

В настоящее время навязчивое преследование представляет собой не локальную проблему, присутствующую в одном или нескольких государствах, а явление глобального масштаба. Его проявления фиксируются и исследуются в правовых системах множества стран по всему миру, что свидетельствует о повсеместном распространении данной формы деструктивного поведения и необходимости выработки универсальных механизмов противодействия. Само навязчивое преследование (сталкинг) криминализовано в законодательстве ряда стран, включая США, Англию, Индию, Великобританию и Китай. Важно отметить, что «уголовное правосудие этих стран учитывает связь между давно существующим домашним насилием и преследованием жертвы» [2, с. 213]. В США, например, ежегодно 13,5 млн человек подвергается сталкингу. Примерно каждая третья женщина и каждый шестой мужчина сталкиваются со сталкингом в течение жизни, что очень близко к общим показателям домашнего насилия. Хотя сталкерами или жертвами сталкинга могут стать люди любого демографического профиля, большинство жертв сталкинга — женщины (78 %), а большинство преступников — мужчины (87 %) [3]. Тревожным показателем является тот факт, что приблизительно 76 % женщин, убитых своими бывшими партнёрами, в течение года, предшествующего трагедии, подвергались преследованию со стороны своих будущих убийц [4, с. 50]. К сожалению, официальная статистическая информация, отражающая распространённость фактов навязчивого преследования на территории Российской Федерации и Республики Беларусь, пока отсутствует.

Материалы и методы исследования. Материалами для данного исследования послужили действующее законодательство Российской Федерации, Республики Беларусь и стран СНГ, касающееся противодействия навязчивому преследованию (сталкингу), научная литература, посвящённая проблематике ответственности за данное деяние, а также мнения ведущих ученых-юристов.

В ходе работы были использованы общенаучные методы познания, такие как анализ, синтез и обобщение, а также специальные юридические методы, в частности сравнительно-правовой метод, позволивший выявить особенности правового регулирования данной сферы в различных юрисдикциях.

Результаты исследования и их обсуждение. Одной из существенных проблем в правовом регулировании методов противодействия навязчивому преследованию видится отсутствие в настоящее время чётких дефиниций терминов «навязчивое преследование», «нежелательное преследование», «сталкинг» как в российском, так и в белорусском законодательстве. В доктрине под сталкингом обычно подразумеваются «постоянные и повторяющиеся попытки вторжения в чужую жизнь, включая нежелательное общение, контакты, в том числе слежка, наблюдение» [2, с. 50]. Важно подчеркнуть, что само преследование охватывает широкий спектр действий, которые могут быть как противоправными, так и не иметь такого статуса. Тем не менее сталкинг как противоправное деяние представляет собой комплексный набор поведенческих актов, характеризующийся упорным, навязчивым и нежелательным для жертвы преследованием со стороны преследователя, что вызывает у пострадавшего чувство страха, тревоги и нарушает его личные границы. Говоря о характере таких деяний преследователя, как правило, к ключевым характеристикам, которые определяют правовую природу сталкинга, относят навязчивость и нежелательность преследования. Вместе с тем в правоприменительной практике полиции ряда зарубежных стран для описания поведенческих паттернов, связанных со сталкингом, используется четыре показателя [5], которые образуют аббревиатуру F-O-U-R:

- F — *fixated* (навязчивость) — высокая степень психологической концентрации преследователя на объекте преследования (жертве), патологическую интенсивность преследователя, его неспособность адекватно воспринимать сигналы отказа (причём не только невербальные, но и прямой отказ), неприятие таких отказов, а также склонность к нарушению общепринятых социальных норм и границ дозволенного. Навязчивый характер мышления и поведения лица становится фундаментом для дальнейших деструктивных действий преследователя. Формами проявления навязчивости может выступать постоянный контроль, слежка, отправка сообщений, подарков или иные попытки установления контакта против воли жертвы. Такие формы поведения обуславли-

вают иррациональное восприятие реальности и игнорирование объективных обстоятельств;

- O — *obsessive* (одержимость) — признак, описывающий патологический, компульсивный характер мотивации преследователя. Одержимость выступает как доминирующее психологическое состояние, подталкивающее к систематическому и целенаправленному осуществлению преследовательских действий, зачастую вне зависимости от объективной целесообразности или последствий, как для жертвы, так и для самого преследователя. Отмечается, что навязчивое преследование может относиться «к крайней степени эротомании (бредовое состояние, при котором преследователь, как правило, страдает серьёзным психическим расстройством)» [2, с. 212];
- U — *unwanted* (нежелательность) — ключевым юридическим и этическим аспектом навязчивого преследования является его нежелательность для жертвы. В отличие от флирта, кокетства, принятия проявления заботы или даже настойчивых, но взаимных ухаживаний, сталкинг характеризуется отсутствием согласия и явным или подразумеваемым протестом со стороны лица, на которое направлено внимание. В связи с этим всякое проявление такого внимания, физический контакт или иная попытка установления связи со стороны преследователя (например, через социальные сети, с анонимных или новых, не заблокированных жертвой аккаунтов) рассматриваются жертвой как вторжение в личную жизнь, что неизбежно вызывает негативные эмоциональные реакции: страх, тревогу, дискомфорт, чувство уязвимости. Всё это, в свою очередь, нарушает право жертвы на неприкосновенность частной жизни;
- R — *repeated* (повторяемость) — системный, а не эпизодический характер преследования. Серия однотипных или нарастающих действий, осуществляемых в течение определённого временного интервала, формирует устойчивый паттерн поведения преследователя. Именно повторяемость отличает навязчивое преследование от единичных актов нежелательного внимания, придавая ему характер целенаправленной деятельности по психологическому давлению на жертву.

Стоит отметить, что в Государственной Думе Российской Федерации находится на рассмотрении законопроект, направленный на противодействие навязчивому преследованию. Представляется, принятие такого закона будет означать значительное продвижение в сторону создания комплексной правовой базы для защиты граждан от опасных форм деструктивного поведения, а также будет способствовать унификации подходов к квалификации и пресечению подобных деяний. Законопроектом предлагается, помимо всего прочего, закрепить дефиницию навязчивого преследования, под которым стоит понимать «действия, причиняющие лицу психические страдания и опасения за собственную безопасность и за безопасность своих близких, которые продолжались после получения предупреждения о необходимости их прекращения, которое может быть установлено согласно общим правилам установления фактов, имеющих юридическое значение» [6]. Считаем, что закрепление в законопроекте дефиниций термина «навязчивое преследование», а также введение дополнительных гражданско-правовых мер защиты, включая условия и порядок выдачи «охранного ордера», станет существенным шагом к формированию комплексного механизма противодействия навязчивому преследованию.

Данная законодательная инициатива является продолжением предшествующих попыток принять специальный закон. Впервые законопроект, предусматривающий введение запрета на приближение, был направлен на рассмотрение в парламент ещё в октябре 2023 г. [2, с. 213]. Однако до настоящего времени законопроект так и находится на стадии обсуждения, несмотря на существенные улучшения, сущностные дополнения и изменения. Так, первоначальная редакция дефиниции навязчивого преследования включала причинение жертве психоэмоционального напряжения, которое было исключено. Это исключение представляется обоснованным, поскольку термин «психоэмоциональное напряжение» является крайне неточным и субъективным для целей точной юридической квалификации.

Согласно действующей редакции законопроекта, «жертва преследования» теперь определяется как «лицо, подвергнутое навязчивому преследованию» [7]. С нашей точки зрения, формулировка «лицо, подвергнутое навязчивому преследованию» является избыточной: признаки «навязчивости» (систематичность, совершение вопреки воле и др.) уже содержатся в диспозиции соответствующей нормы, а причастие «подвергнутое» придаёт конструкции громоздкость, что противоречит принципу лаконичности правового языка. В то же время термин «жертва преследования» также не лишён недостатков: понятие «жертва» содержит элемент субъективной оценки состояния человека, тогда как право должно оперировать фактами совершения действий против индивида. Представляется целесообразным использовать в отношении субъекта преследования термин «пострадавшее лицо». Данная дефиниция соответствует установившейся практике законодательства о профилактике правонарушений, сочетая в себе терминологическую точность, деловитость и объективность.

Изменились и виды деяний, которые предлагается относить к навязчивому преследованию. Так, согласно ст. 4 законопроекта, к сталкингу предлагается относить действия, характеризующиеся систематичностью, а не просто неоднократностью, как в предыдущей редакции, а именно: а) систематические умышленные слежение и/или ожидание лица, подвергнутого навязчивому преследованию, в местах его повседневной жизни; б) систематические умышленные попытки установить контакт с лицом, подвергнутым навязчивому преследованию, в том числе посредством телефонных звонков, СМС-сообщений, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», почтовой переписки, направления любого рода подарков, в том числе через третьих лиц, а также иные действия. Важным дополнением стало включение нового вида деяний: в) использование персональных данных лица, подвергнутого навязчивому преследованию, для заказа товаров, работ, услуг или оформления корреспонденции на его имя.

Однако следует обратить внимание, что текущая редакция законопроекта закрепляет исчерпывающий перечень деяний, охватывающий понятие навязчивого преследования. Представляется, что на этапе законотворчества крайне затруднительно предусмотреть полный перечень таких деяний. Опыт разработки даже этого законопроекта показывает, что со временем возникают новые формы девиации, подпадающие под данную категорию. В связи с этим считаем целесообразным дополнить ст. 4 законопроекта пунктом, который охватывает «иные деяния, причиняющие лицу психические страдания и опасения за собственную безопасность и за безопасность своих близких», что позволит более гибко реагировать на эволюцию форм сталкинга.

Стоит отметить, что УК Республики Казахстан в 2025 г. был дополнен ст. 115[1], в рамках которой устанавливалась ответственность за *«незаконное преследование лица, которое выразилось в действиях, направленных на установление контакта и (или) выслеживание лица вопреки его воле, не сопряжённых с насилием, повлекших существенный вред»* [8]. Этой новеллой сталкинг в Республике Казахстан фактически был криминализирован как самостоятельное преступление, за которое предусмотрена ответственность в виде штрафа, общественных работ или ареста до 50 суток.

Первый приговор за сталкинг в Казахстане был вынесен в начале 2026 г. Так, по сведениям потерпевшей, *«на протяжении более полутора лет её преследовал 37-летний житель г. Петропавловска: мужчина следил за ней, навязчиво добивался внимания, вступал в конфликты с ней и её окружением. Ранее его уже привлекали к административной и уголовной ответственности за нецензурную брань в адрес потерпевшей, причинение ей телесных повреждений, а также за нападение на её знакомого. Несмотря на это, мужчина не прекращал преследование»* [9].

Отмечается, что по состоянию на март 2026 г. в суды Казахстана было направлено более 50 дел по ст. 115[1] УК Республики Казахстан, при этом по 36 делам подозреваемые водворены в ИВС [10], что фактически может свидетельствовать о том, что норма является востребованной и эффективно применяется правоохранительными органами для пресечения фактов незаконного преследования, даже несмотря на то, что она относительно новая.

Криминализация данных деяний ставит перед практикой актуальный вопрос: как разграничить сталкинг от случайных или настойчивых, но добросовестных действий? Подобно разнице между настойчивостью и назойливостью в межличностных отношениях, где границы формально размыты, жертва отчётливо ощущает, когда преследование приобретает *угрожающий характер*. Например, ежедневный просмотр публикаций пользователя в социальных сетях, комментирование его записей, вероятно, не является преступным деянием, и в таких случаях логичнее применять доступные настройки конфиденциальности, ограничивая доступ к информации в социальных сетях и мессенджерах, особенно если платформа предоставляет функцию отслеживания посетителей профиля по геолокации.

В этом случае ключевую роль в доказывании факта сталкинга будут иметь материальные доказательства, такие как скриншоты сообщений, записи телефонных разговоров, видеозаписи с камер около места жительства жертвы, а также любые свидетельства, подтверждающие факты преследования, например, факт слежения на транспортном средстве, показания свидетелей (например, таксиста, который подвозил жертву и после столкнулся с преследователем, который настойчиво выяснял детали поездки), материалы экспертизы, подтверждающие факт «взлома» социальных сетей и аккаунтов жертвы и другие сведения. Важно не только зафиксировать сами факты противоправных действий, но и доказать наличие умысла — целенаправленность действий на причинение вреда, а не случайное или добросовестное проявление интереса [11].

В условиях, когда административно-правовое и уголовно-правовое регулирование в этой сфере ещё не сформировано, особое значение приобретает анализ существующих гражданско-правовых механизмов противодействия сталкингу. В настоящее время перечень способов защиты гражданских прав, исчерпывающе представленный в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, не содержит прямого указания на запрет на приближение. Аналогичная ситуация наблюдается и в гражданском законодательстве Республики Беларусь, где ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь также

не предусматривает возможность наложения ограничительных мер.

Тем не менее в контексте противодействия навязчивому преследованию в сфере брачно-семейных отношений эффективная защита пострадавших в Республике Беларусь может быть достигнута путём получения защитного предписания, что указывает на наличие ряда правовых механизмов, способных частично компенсировать отсутствие прямого гражданско-правового запрета на приближение. Стоит согласиться с мнением, что сталкинг в большинстве случаев характеризуется тем, что его объектом становятся лица, ранее состоявшие в близких личных или социальных связях с преследователем. К таковым, как правило, относятся бывшие супруги, дети, родители, прежние друзья, коллеги по профессиональной деятельности, соученики или иные лица, с которыми существовали устойчивые отношения. Анализ природы данного явления позволяет выделить ключевую характеристику его субъективной стороны — «наличие выраженной враждебности, возникающей из комплекса негативных эмоциональных состояний, таких как личная неприязнь, нетерпимость, зависть, ревность или стремление к мести» [12, с. 53]. Эти деструктивные мотивы формируют основу для паттернов поведения «отвергнутых» партнёров, направленных на навязчивое преследование и причинение психологического дискомфорта объекту преследования.

Представляется, что эффективность защитных мер, в частности защитного предписания, зачастую ограничена кругом лиц, находящихся (или ранее находившихся) в близких семейных или супружеских отношениях. В ситуациях, когда преследование и деструктивное поведение исходят от лиц, не связанных с жертвой узами брака, родства или иными формами близких отношений, возникает правовой пробел и, как результат, невозможность применения защитного предписания.

Примечательно, что в казахском законодательстве ещё до принятия указанных выше новелл также существовала процедура выдачи защитного предписания, регламентированная сначала Законом РК от 4 декабря 2009 года № 214-IV «О профилактике бытового насилия», а после и Законом РК от 30 декабря 2025 года № 245-VIII «О профилактике правонарушений». Так же, как и в Республике Беларусь, защитное предписание рассматривается казахстанским законодателем как мера по индивидуальной профилактике правонарушений, направленная в отношении лиц, совершивших бытовое (домашнее) насилие или угрожавших им.

Вместе с тем гражданско-правовой альтернативой защитному предписанию, которое преимущественно направлено на предотвращение рецидивов физического насилия в отношении жертвы, может являться охранный ордер, выданный по заявлению жервы (домашнего насилия либо сталкинга) по основаниям, установленным в ходе судебного разбирательства, и основанный на доказанной вине лица, совершившего насилие. При этом анализируются не только факты физического насилия, но ещё другие формы, таких как психологическое, экономическое или сексуальное, что особенно является актуальным в контексте исследования перспектив противодействия нежелательному преследованию [13, с. 221].

Выводы. Исходя из проведённого анализа, следует отметить, что действующее законодательство как Российской Федерации, так и Республики Беларусь демонстрирует ограниченность в части эффективного противодействия навязчивому преследованию (сталкингу). Отсутствие чётко регламентированной дефиниции данного явления, а также ограниченность правовых инструментов, применимых преимущественно в случаях явной угрозы жизни, здоровью или имуществу, ставят жертв преследования в уязвимое положение. Представляется, что сталкинг можно охарактеризовать как *навязчивые, одержимые, нежелательные и повторяющиеся действия, последствия которых приобретают угрожающий характер для жертвы преследования*.

Введение в законодательство таких гражданско-правовых инструментов, как «долгосрочный охранный ордер», основанный на установленной судом в порядке гражданского судопроизводства вине преследователя, представляется целесообразным и необходимым. Данная новелла позволит усовершенствовать существующие уголовно-правовые и административно-правовые механизмы противодействия навязчивому преследованию, обеспечивая своевременную защиту прав и законных интересов пострадавших от сталкинга лиц.

Принудительное исполнение охранного ордера может быть обеспечено через закрепление соответствующих санкций, предотвращающих рецидивы противоправных деяний со стороны преследователя. При этом система ответственности должна быть дифференцированная, позволяющая применять адекватные меры воздействия как административные, так и уголовные, в зависимости от степени тяжести нарушения и его последствий, повторности, обеспечивая тем самым реальную защиту пострадавших и неотвратимость наказания для преследователей.

Вместе с тем в рамках настоящего исследования не ставилась задача обоснования обязательной криминализации сталкинга и закрепления соответствующих статей в уголовном кодексе Российской Федерации или Республики Беларусь. Вместо этого подчёркивается необходимость расширения арсенала гражданско-правовых способов защиты, что представляется целесообразным для эффективного противодействия навязчивому преследованию.

Список источников

1. Сторублёнкова Е. Г., Самуткин В. Л. Сталкинг: синдром навязчивого преследования // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 6. С. 278–281.

2. Фирсова А. Р. История становления сталкинга как общественно опасного явления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 3 (164). С. 209–215.

3. January 2024: Stalking — Stats, Tactics, & Impacts // Domestic Violence Services Network, Inc. URL: https://www.dvsn.org/january-2024-stalking-stats-tactics-impacts/ (дата обращения:15.04.2026).

4. Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. № 6 (24). С. 49–55.

5. Stalking: Think FOUR // Hampshire and Isle of Wight Constabulary. URL: https://www.hampshire.police.uk/police-forces/hampshire-constabulary/areas/campaigns/2024/stalking-think-four/ (дата обращения: 15.04.2026).

6. О противодействии навязчивому преследованию: законопроект № 1140865-8 от 04 фев. 2026. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1140865-8 (дата обращения: 15.04.2026).

7. О противодействии навязчивому преследованию: законопроект № 795873-8 от 12 дек. 2024. URL https://sozd.duma.gov.ru/bill/795873-8 (дата обращения: 15.04.2026).

8. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 15.04.2026).

9. Дрался, материл, полтора года преследовал и отделался общественными работами: в Петропавловске вынесли приговор по статье «Сталкинг» // Петропавловск.news. URL: https://pkzsk.info/dralsya-materil-poltora-goda-presledoval-i-otdelalsya-obshhestvennymi-rabotami-v-petropavlovske-vynesli-prigovor-po-state-stalking (дата обращения: 15.04.2026).

10. В Казахстане завели 51 дело по новой статье // Tengrinews.kz. URL: https://tengrinews.kz/news/v-kazahstane-zaveli-51-delo-po-novoy-state-594971 (дата обращения: 15.04.2026).

11. Сталкинг станет преступлением: что это значит для Казахстана? // Медиахолдинг «Atameken Business». URL: https://inbusiness.kz/ru/news/stalking-stanet-prestupleniem-chto-eto-znachit-dlya-kazahstana (дата обращения: 15.04.2026).

12. Мясникова А. М., Цуканова Е. Г. Криминализация сталкинга // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 53–56.

13. Болохонов Б. С. К вопросу о необходимости дополнительной защиты жертв домашнего насилия в Республике Беларусь: гражданско-правовой аспект // Проблемы гражданского права и процесса. Выпуск 10 : сб. научных статей ; УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» ; редкол.: И Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2025. С. 220–225.

References

1. Storublenkova EG, Samutkin VL. Stalking: obsessive-compulsive disorder. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal = Gaps in Russian legislation. Law journa*l. 2017;(6):278-281. (In Russ.).

2. Firsova AR. The history of stalking as a socially dangerous phenomenon. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2025;(3(164):209-215. (In Russ.).

3. January 2024: Stalking — Stats, Tactics, & Impacts. Domestic Violence Services Network, Inc. Available at: https://www.dvsn.org/january-2024-stalking-stats-tactics-impacts/ (accessed: 15.04.2026).

4. Ryzhova OA, Kornishina YS. On responsibility for stalking in the Russian Federation and in foreign countries. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2018;(6(24):49-55. (In Russ.).

5. Stalking: Think FOUR. Hampshire and Isle of Wight Constabulary. Available at: https://www.hampshire.police.uk/police-forces/hampshire-constabulary/areas/campaigns/2024/stalking-think-four/ (accessed: 15.04.2026).

6. On countering obsessive harassment: Bill № 1140865-8 dated 04 Feb. 2026. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1140865-8 (accessed: 15.04.2026). (In Russ.).

7. On countering obsessive harassment: Bill № 795873-8 dated 12 Dec. 2024. Available at: https://sozd.duma.gov.ru/bill/795873-8 (accessed: 15.04.2026). (In Russ.).

8. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: dated July 3, 2014 № . 226-V SAM. Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (accessed: 15.04.2026). (In Russ.).

9. He fought, cursed, pursued for a year and a half and got off with community service: in Petropavlovsk, a verdict was passed under the article «Stalking». Petropavlovsk.news. Available at: https://pkzsk.info/dralsya-materil-poltora-goda-presledoval-i-otdelalsya-obshhestvennymi-rabotami-v-petropavlovske-vynesli-prigovor-po-state-stalking (accessed: 15.04.2026). (In Russ.).

10. 51 cases have been opened in Kazakhstan under a new article. Tengrinews.kz. Available at: https://tengrinews.kz/news/v-kazahstane-zaveli-51-delo-po-novoy-state-594971 (accessed: 15.04.2026). (In Russ.).

11. Stalking will become a crime: what does it mean for Kazakhstan? Atameken Business Media Holding. Available at: https://inbusiness.kz/ru/news/stalking-stanet-prestupleniem-chto-eto-znachit-dlya-kazahstana (access date: 15.04.2026). (In Russ.).

12. Myasnikova AM, Tsukanova EG. Criminalization of stalking. *Viktimologiya = Victimology*. 2016;(3(9):53-56.

13. Bolokhonov BS. On the need for additional protection for victims of domestic violence in the Republic of Belarus: a civil law aspect. In: Martynenko IE. (ed.-in-chief) Problemy grazhdanskogo prava i protsessa. Vypusk 10 = Problems of civil law and process. Iss. 10. Grodno; 2025. Pp. 220-225.

Информация об авторе

Б. С. Болохонов — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса.

Information about the author

B. S. Bolokhonov — Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure.

Статья поступила в печать 28.05.2026; одобрена после рецензирования 30.06.2026.

The article was submitted 28.05.2026; approved after reviewing 30.06.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Author declares of no conflict interests.